

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

ВЫПУСК 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

ПЛОЩАДНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ПОЗДНЕТИЮДОРОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.В. Карначук

Площадная литература и одна из наиболее мощных ее ветвей – уличная баллада, распространившаяся в западноевропейских странах в XVI–XVII вв., неоднократно становились как непосредственным объектом исследования специалистов, так и вспомогательным источником в рассмотрении проблем повседневной, гендерной, политической и культурной истории. Однако потенциальные ресурсы данного типа источника раскрыты далеко не полностью. Думается, возможность более плодотворного использования уличной баллады может дать системный и методологически строгий подход, который возможно реализовать на базе разработанной И.Ю. Николаевой концепции полидисциплинарного синтеза¹.

Для демонстрации возможностей полидисциплинарного подхода внимание в данном случае будет сфокусировано лишь на одной из многих возможных проблем: а именно, на формировании гендерных стереотипов в обществе, на региональной специфике этого процесса и на связи этих стереотипов с другими сферами социального бытия человека.

Уличная, или, иначе, площадная, баллада появляется практически сразу вслед за распространением книгопечатания и получает широчайшее хождение в странах Западной Европы. В начале XVII в. с печатных прессов сходило приблизительно до 500 названий в год только в Англии. Баллады набирались на одностороннем или двухстороннем листе, часто сопровождалась рисунком-гравюрой и примечанием, сообщающим, на какой мотив следует исполнять песню. Литература подобного типа имела хождение и во Франции, и в германских землях,

Однако исследователи отмечают, что в Англии баллада стала наиболее «демократичной», доступной для большого количества людей из самых разных социальных слоев общества. В отличие от баллады континентальной, она была предельно проста в оформлении и, как следствие, дешева и общедоступна. Цена листка составляла всего полпенни, что равнялось цене полкуска хлеба в 1580-х гг. В то же время театр, бывший, как хорошо известно, развлечением для самых широких кругов горожан, отличавшийся в елизаветинскую эпоху дешевизной мест и при-

¹ Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

влекавший как слуг и подмастерьев, так и придворных, обходился все-таки дороже: стоячее место в театре на галерке, стоило пенни, сидячее – два пенса, кресло в партере – три пенса. В Германии баллада оформлялась богаче и могла стоить от 3 до 20 пфеннигов – последняя сумма сопоставима с дневным заработком квалифицированного каменщика.

С другой стороны, в то время как в Англии XVI в. центром производства всей печатной продукции, в том числе и площадной литературы, была столица, в германских землях более чем в 50 городах издавались памфлеты и баллады. Порой речь может идти лишь об отдельных, спорадических изданиях, появившихся вслед за особенно взволновавшими округу событиями, но, так или иначе, сеть мелких центров, из которых распространялись «песни, баллады и скандальные листки», была в германских землях довольно разветвленной².

Трудно назвать площадную балладу художественным, литературным произведением. Несмотря на внешне «художественную» форму, по сути своей баллады были гораздо ближе к газете, к новостному листку, чем к поэтическому произведению, как справедливо замечает, например, Клод Симпсон³. Круг тем, которые раскрываются в балладах, явно свидетельствует об этом.

Сюжеты площадных баллад могут фокусироваться вокруг современных или недавних событий в стране и за ее пределами, например: «Печальная баллада о смерти графа Эссекса», «Новости от Голландского лигера», сообщения об убийстве Генриха IV во Франции, о мире, заключенном между королями Дании и Швеции, о пожаре в городе Корке, о казни Уолтера Рэли и т.д. Иногда появляются обработанные в духе поучительных или комических историй повествования о видных персонах прошлых столетий: об Эдуарде IV и Генрихе II, о любовнице короля Эдуарда, Джейн Шор – список довольно обширен.

В рамках жанра возникают также религиозные и моральные поучения. Иногда площадная баллада обращается к библейским или мифологическим историям, например о Геро и Леандре или о царе Давиде и Вирсавии. Популярным сюжетом для площадной баллады становится текущая криминальная хроника, в основном представляемая как история о кровавом преступлении и неизбежном наказании. Чрезвычайно популярны предсказания будущего, а также события из разряда сенсационных – рождение детей-монстров, уродства, чудеса природы: например появление гигантской рыбы или битва птиц в небе.

² *Wiltburg J.* Disorderly women and female power in the street literature of Early modern England and Germany. Charlottesville, 1992. P. 37.

³ *Simpson, Claude jr.* A Note on broadside tunes // *A Pepysian Garland. Black-letter broadside ballads of the years 1595–1639*, ed. by Hyder E. Rollins. Harvard Univ. Press, 1971.

И, наконец, количественно самый значительный круг баллад посвящен поучительно-развлекательным историям, которые вращаются вокруг житейских вопросов: следует ли жениться и как выбирать жену, как отличать истинных друзей от лстивых лжецов, как вредно пить без меры и играть в кости, как следует почитать родителей, как не дать отбиться от рук слугам.

Баллады часто становились кратковременными сенсациями, но довольно быстро сменяли одна другую, этим также напоминая газеты. При этом многие баллады сохранились на долгое время, – поскольку предназначались не только для чтения, но и для исполнения в виде песен. Порой такие песни переходили из поколения в поколение.

Большинство баллад создавалось анонимными авторами, но существовали и писатели-профессионалы, активно занимавшиеся балладотворчеством, порой полностью посвящая себя этому жанру, например Мартин Паркер или Джон Скелтон в Англии, Ганс Сакс в Германии.

Площадная баллада легко преодолевала социальные барьеры, ставясь доступной и для поденного рабочего, и для сквайра или купца.

Многие исследователи, к примеру Джой Вилтенбург, считают, что уличная баллада оставалась жанром преимущественно городским и была доступна и интересна лишь людям грамотным⁴. Однако исследование Адама Фокса «Устная культура и культура образованных в Англии, в 1500–1700 гг.» показывает, насколько плотным было для человека XVI в. «окружение» письменной культуры, которая входила в жизнь как необходимая часть деловой, судебной и повседневной практики⁵. Фокс на примерах демонстрирует, насколько часто сюжет и образы баллад «флуктуировали», перебирались из устной культуры в письменную и наоборот. Он, не без основания, полагает, что в Англии данного периода деревенский житель не был и не мог быть зеркалом «народной» культуры в чистом виде, если под таковой мы понимаем культуру устную, не взаимодействующую с культурой горожанина и купца. Н. Вюрцбах отмечает многообразие «зачинов» для баллад, служивших цели привлечь внимание потенциальных покупателей. В этих зачинах разносчики призывают послушать и приобрести поучительную историю и горожан, и крестьян, и девиц, и замужних, явно рассчитывая на внимание людей из разнообразных социальных и возрастных страт⁶. Германский материал, на который опирается сама Вилтенбург, свидетельствует о проникновении книгоноши, распространителя баллад, в самые отдаленные от столицы районы.

⁴ *Wiltenburg J.* Op.cit. P. 24.

⁵ *Fox A.* Oral and literate culture in England, 1500–1700. Oxford, 2000. P. 36.

⁶ *Wurzbach N.* The rise of the English street ballad, 1550–1650. Camb., 1990. P. 10–15.

Баллады, представляя собой произведения письменной литературы, создавались не только и иногда не столько для чтения, сколько для устного исполнения, а значит, особенно легко перешагивали границы устного и письменного. Распространители баллад рекламировали свой товар, распевая баллады и призывая прохожих послушать, прочесть и купить листок. В деревне балладами, вместе с прочим товаром, торговали коробейники. Купленные баллады часто становились не просто собственностью купившего – их вешали на стены в доме как украшение и развлекательное чтение. Их читали, заучивали и исполняли, нередко внося изменения в оригинальный текст.

Отношение к балладе в среде наиболее образованных людей того времени было крайне неоднозначным. Многие представители элиты, в частности, элиты церковной, относились к балладам неодобрительно по соображениям морали. Так, Уильям Вебб в 1586 г. обрушивал проклятия на «бесчисленные толпы рифмоплетов, сочиняющих баллады, и составителей бессмысленных сонетов, которые больше всего озабочены тем, что забивают головы галерке своими выдумками и неграмотными памфлетами»⁷. Критика обрушивалась на площадные листки и с другой стороны – поэты, работающие в «высоких» жанрах, тоже нередко метали громы и молнии по их поводу. Томас Лодж в своей «Защите Поэзии» просит магистратов в городах выкорчевывать «эти дикие песенки, что поют разные негодяи, прекратить непристойности»⁸.

Одновременно многие представители высших страт английского общества не только не гнушались знакомиться с содержанием «листочков за полпенни», но и собирали их в настоящие коллекции. Наиболее знаменитым собирателем такого рода был Сэмюэль Пипис, человек, прославленный не столько деятельностью в Морском ведомстве во времена Реставрации в Англии, но и тем, что оставил нам очень подробный и оригинальный дневник. Помимо дневника, он собрал обширную и разнообразную библиотеку, в составе которой находились площадные баллады, рассортированные по темам и подшитые Пиписом в пять довольно объемных томов. В целом эта коллекция содержала около 1800 листов. Коллекция Пипса – самая обширная, но далеко не единственная, и в дневниках и письмах той эпохи часто встречается упоминание площадных баллад.

Таким образом, площадная баллада была жанром, легко проникавшим сквозь сословные и имущественные границы. При этом, разумеется, мы можем выявить в некоторых балладах попытки обращаться к

⁷ Watt T. Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640 // Cambridge Studies in Early Modern British History / Ed. Anthony Fletcher, John Guy and John Morrill. Cambridge, 1991. P. 49.

⁸ Wurzbach N. Op. cit. P. 256.

более образованной аудитории, а также обнаружить некоторые особенности, говорящие о преимущественно городской или сельской адресации конкретных произведений этого жанра. При всей широте потенциальной аудитории баллада не остается слепа к разнообразию этой аудитории, однако когда речь идет об общей тенденции жанра, о стереотипах и образах, стойко продуцируемых им, жанр можно считать практически «универсальным».

Площадная баллада не раз привлекалась в качестве материала для иллюстрации религиозных, гендерных, бытовых установок английского общества XVI–XVII вв. Нельзя не упомянуть в этом отношении работы Дэвида Кресси, а также Т. Уатта и Р. Палмера⁹. Но крайне редки работы, которые всесторонне анализировали бы площадную балладу как массовый источник. Вплоть до последних десятилетий работы о площадной балладе в основном фокусировали внимание на литературоведческих и статистических вопросах, связанных с этим жанром. Работы Хайдера Роллинса, посвященные наследию Самуэля Пипписа, исследования Л. Шеппарда, в основном не выходят за пределы круга проблем, связанных с анализом отдельных черт эпохи и условий создания баллад, оценкой степени достоверности фактов, в них изложенных, и литературоведческими аспектами¹⁰. Делались попытки связать площадную балладу с проблемой социальных отношений в обществе, примером чего может служить работа Роя Палмера «Звук истории: песни и социальный комментарий», но в целом обобщающих значимых результатов они не принесли¹¹.

Однако возможно выделить две работы, появившиеся в начале 1990-х гг., которые демонстрируют, как представляется, качественный скачок в исследовании площадной баллады. Они связаны не столько с английской, сколько с немецкой историографической школой. Первая – это работа Натали Вюрцбах, посвященная расцвету площадной баллады в период 1550–1650 гг.¹² На первый взгляд, автор ставил перед собой, скорее, литературоведческие задачи: выявить основные параметры многоплановой системы взаимодействия текста и слушателя (читателя). Для достижения этой цели Вюрцбах рассматривает структуру текста баллады и способы презентации ее продавцом и автором потенциальным покупателям, выделяет основные подвиды площадных баллад и оценивает степень их новизны и традиционности. Но одновременно с филологиче-

⁹ См.: *Cressy D.* Birth, marriage and death: ritual, religion and the life-cycle in Tudor and Stuart England, Camb., 1980; *Watt T.* Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640 / Cambridge Studies in Early Modern British History, 1991; *Palmer R.* The Sound of History: Songs and Social Comment, Oxford, 1988.

¹⁰ *Shepard L.* The Broadside Ballad: A Study in Origins and Meaning. London, 1962.

¹¹ *Palmer R.* Op.cit.

¹² *Wurzbach N.* Op. cit.

скими и литературоведческими вопросами автор не просто затрагивает, а тщательно разбирает связь социокультурных процессов позднесредневековой Англии с расцветом и формированием баллады как жанра. Касается она, пусть только отчасти, и проблемы психологического свойства, анализируя восприятие текста, а также связь авторских интенций с ожиданиями и предпочтениями слушателей. Таким образом, эта работа оказывается на стыке истории, психологии и лингвистики, обозначает в общих чертах проблему развития общества и выражения его внутренних тревог и вопросов в рамках жанра площадной баллады.

Работа Джой Вилтенбург «Необузданные женщины и женская сила в площадной литературе Англии и Германии раннего Нового времени» ставит основной целью провести развернутое сопоставление отношения к женщине, просматривающееся в площадной литературе двух стран¹³.

Это сопоставление приводит автора к ряду значимых выводов. Выясняется, что при наличии в английской и немецкой площадной балладе большого количества сходных и перекликающихся представлений о женщинах, налицо и существенные отличия. Площадная литература в обоих регионах признает нормальным порядком главенство мужчины в браке, однако в качестве идеала предпочитает прославлять такую пару, в которой муж правит убеждением, а не насилем и порой проявляет снисходительность к слабости женщины. И в Англии, и в Германии популярны сюжеты о нарушении этого идеала: о попытках жены вести себя независимо и «перехватить» власть в свои руки, а иногда – и о прямой неспособности и даже нежелании мужа быть хозяином в доме.

Но окраска существующей модели гендерных отношений, а также специфика изображения девиаций от нормы на острове и на континенте оказались различными. Исследовательница отмечает, что в английских версиях чаще просматривается признание – или хотя бы постулируется возможность – достаточно независимого женского поведения, в то время как для германской баллады идеалом является пассивная женщина.

Англичане подчеркивают связь силы характера женщин и их сексуальности, общим местом является убеждение, что женщина требовательна к «мужским способностям» партнера, и тут уж дело мужчины – не разочаровать женщину. Если муж в балладе оказывается неспособным в постели доказать свою полноценность, то ему нечего рассчитывать и на права хозяина дома – жена будет ему изменять, ругать его и всячески третировать. И в такой ситуации осуждается не женщина, которая берет верх, – осмеивается муж, который не сумел стать хозяином в собственном доме. Сама по себе сила, «строптивость» жены трактуется

¹³ Wiltenburg J. Op.cit.

ся если не как положительное явление, то, по крайней мере, как нечто закономерное. Запросы жены предполагают, что достаточно решительный и активный супруг сумеет с ними справиться – как в знаменитой комедии Шекспира. Заметим, что и в поговорках эпохи мысль о том, что решительная женщина «интереснее» пассивной и скромной, нашла свое выражение, например: «Лучше злюка, чем овца»¹⁴.

Немецкая же баллада в качестве идеала отмечает в женщине благочестие и здравый смысл и считает эти качества единственным путем для обретения ею доброй славы. Попытки «бунтовать», стремление отстоять свою независимость, не говоря уж о власти в доме, обычно заканчиваются для женщины плачевно: побоями и поражением, иногда – даже смертью.

Когда речь заходит о брачных отношениях, англичане чаще отмечают необходимость взаимной любви, привязанности супругов друг к другу. Эти взаимные чувства индивидуализированы, подчеркивается личностная значимость жены и мужа друг для друга. Немецкая баллада фокусируется скорее на должном исполнении человеком роли, положенной ему по статусу. В германской балладе внутрисемейная нежность и привязанность также изображаются, но чаще всего это нежность между родителями и детьми, тогда как в английской – между мужем и женой.

Вилтенбург не ограничивается констатацией различия гендерных стереотипов двух традиций: через них она стремится нащупать качественные различия в общем мировосприятии представителей разных европейских регионов. Ею отмечено, что в сюжетном плане английская баллада более подробно выписывает индивидуальные мотивировки поступков героев, немецкая же сосредоточивается на внешних обстоятельствах, влияющих на людей. Исследовательница приходит к выводу, что в целом окружающий мир в английских балладах выглядит в большей степени объектом человеческого влияния и контроля, в то время как угрожающий и таинственный мир германской баллады не дает человеку такой уверенности в своих силах.

Исследовательница склонна видеть причины этого различия преимущественно в той ситуации, которая создавалась непосредственной социально-экономической конъюнктурой, а также наличием или отсутствием военных действий и социальных потрясений.

Однако наличие лишь краткосрочных потрясений подобного рода не может быть достаточным объяснением специфики гендерных представлений в двух разных областях Европы. Достаточно вспомнить, что в Англии ни в середине XVI в., когда междоусобица и экономический кризис создали в стране напряженную обстановку, ни в первой трети

¹⁴ «Better a shrew then a sheep». – См. *Fletcher A.* Gender, sex and subordination in England, 1500-1800. L., 1995. P. 5.

XVII в., когда уже назревали события Английской буржуазной революции, баллады не отразили сколько-нибудь существенных вариаций в отношении к женщине и ее месту в мире. Очевидно, что мы имеем дело с долговременной традицией, достаточно укорененной в обществе, чтобы временные кризисы не стали поводом для ее заметных изменений. Гендерные стереотипы складываются на протяжении долгого времени, и изменения их не случайны, а логически связаны с трансформациями общества в целом: его структуры и психологического инструментария, при помощи которого общество и отдельные его члены приспосабливаются к существующей ситуации.

Если обратиться к теории модернизирующихся обществ В.М. Ракова, то вся социально-экономическая система Англии предстанет как взаимосвязанная система развивающихся отраслей – сельского хозяйства, торговли, мануфактуры, – которые стимулируют друг друга и создают не только базу для будущего промышленного лидерства, но и для более широкого применения инициативы и предприимчивости¹⁵. При всей жесткости процесса модернизации, при высоком уровне бедняцкого и маргинализованного люда именно в Англии наличие перспектив улучшения своего положения, а также достаточная «открытость» элиты придавали относительно «оптимистическую» окраску настроениям общества в целом.

Более успешная, поддерживаемая государством предпринимательская деятельность усиливала рационализаторские моменты в восприятии мира: он не казался столь чуждым человеческого контроля, столь подверженным внезапным, трагическим обстоятельствам. Отсюда же исходит и сильная «индивидуальная» составляющая в английской балладе, а также рациональный по своей природе интерес к мотивировкам человеческих поступков и их внутренним переживаниям. Неслучайно бросается в глаза оптимистичность английской баллады, сравнительно с немецкой, а также ее доверие к силам человека, убеждение в возможности активной и плодотворной деятельности, рациональный подход к жизни. Если обратиться к терминологии Э. Эриксона, это зримые признаки формирования позитивной коллективной идентичности, которой свойственны уверенность в своих силах и продуктивный характер деятельности.

Напротив, пессимизм и неверие в человека баллады немецкой отражает всю психологическую неустойчивость политически раздробленного региона, где процессы модернизации развивались противоречиво и не всегда успешно. В этом смысле плодотворным представляется подробнее исследовать немецкую балладу отдельных территорий и попы-

¹⁵ Раков В.М. «Европейское чудо». Рождение новой Европы в XVI–XVIII вв. Пермь, 1999.

таться выявить внутригерманскую региональную специфику. Эта задача еще ждет своего исследователя.

Сфера гендерного не является самостоятельной системой, изолированной от прочих «полей», в которых протекает жизнь человека. Легко заметить, что в английской балладе акцентируется большая уверенность мужчины в своих силах (как экономических, так и сексуальных). В период, когда участие женщины в экономической и политической жизни усиливалось почти во всех странах Западной Европы, именно в Англии общество отнеслось к этому усилению с меньшим опасением. Не будем преувеличивать яркость этого отличия: сама акцентуация в Англии, как и в континентальных странах, антиженского дискурса говорит о том, что в гендерной и общественной сфере наличествует тревога и страх перед «засильем женщин». И тем не менее именно в английской литературе, причем не только площадной – вспомним «Укрощение строптивой» Шекспира, – обычной является уверенность в том, что гендерная иерархия будет восстановлена. С одной стороны это демонстрирует, как упоминалось выше, оптимизм мужчины, верящего в свои силы, с другой – смеховой, достаточно добродушный подход к самой теме борьбы за верховенство в доме.

Так, Д. Вилтенбург приходит к следующему убедительному обобщению: различие в изображении тем любви, секса, брака показывает, что английские авторы неосознанно стремились перевести эти темы в игровой, комедийный, план. Они также ограничивали сферу, в которой женщина могла чего-то требовать, прежде всего сексуальной стороной жизни людей, не распространяя претензии жен на первенство в делах. Фиксируя эти различия, Вилтенбург перекидывает мостики к политической, экономической и социальной истории Англии и Германии, постулируя, что проблемы гендера являются неотъемлемой составляющей истории жизни общества и его трансформаций в целом. Однако эти выводы могут быть детализированы и углублены за счет приложения к собранному Вилтенбург материалу теории идентичности Эриксона, а также смеховых теорий М. Бахтина, Р. Генона и Г.-Ю. Бахорского.

В английской балладе преувеличена гротескность ситуаций «насилия в семье» и агрессивность женщины описывается необычайно ярко: она лупит мужа-неудачника и палкой, и сковородкой, и пинает его, и выгоняет из дому, и вырывает волосы из бороды. Женщина в таких сюжетах часто остается триумфатором. В германской балладе она обычно проявляет агрессивность лишь на словах, в ругани, в драку же вступает, лишь защищая себя от мужниной трепки. Порой баллады живописуют физическую расправу мужа над женой, даже если речь идет о незначи-

тельных проступках жены (например, она ругает мужа за то, что он пьянствует и пропивает все деньги).

На первый взгляд, именно английская баллада не уверена в господстве мужчины и рисует фурию-победительницу, а германская – отражает победу патриархальной нормы и неизбежность мужского доминирования. Кажется, что английская баллада демонстрирует спутанные гендерные модели, стереотип под угрозой. Однако обратимся к важнейшему моменту – интонированию темы насилия и доминирования в браке.

Заметим, что в английской балладе не описывается, как после побоев муж или жена испытывали какие-то физические недомогания, и практически нет случаев, когда они умирали бы от побоев. Вообще, насилие, как правило, не описывается реалистически-наглядно. Немецкая же баллада знает истории жен, сошедших в могилу за свое непослушание воле мужа, который кулаками и палкой доказывает жене, что она «глубоко права». Описание побоев сопровождается перечислением сломанных костей и выбитых зубов.

Вилтенберг подчеркивает, что в обоих случаях подобные сюжеты строятся как комические – это гротеск. Но, по мнению исследовательницы, в нем англичане просто «дают большую свободу своему воображению». Представляется, однако, что дело здесь не только и не столько в художественном темпераменте. Скорее, мы сталкиваемся с двумя различными моделями смехового поведения. В сочетании с уверенностью человека (и социума) в себе, с «принятием себя» звучит добрый смех, в котором не заложена направленная на себя агрессия. Агрессивные начала: жестокие побои, грубая брань – трактуются как смехотворные, а не страшные или хотя бы как серьезные. Женщину можно изображать победительницей в семейной баталии, со сковородой наперевес, в мужниных штанах именно потому, что гендерные и, шире, социальные тревоги существуют, но представляются все же преодолимыми. Основы семейного и общественного уклада выглядят надежными, и женская агрессия не кажется реально опасной подрывной силой.

В то же время присущая германской балладе комедия, завязанная на подчеркнутую агрессивность, брутальность, в сочетании с неизменной победой мужа, а также с усиленной пропагандой женской покорности выявляет агрессивную, негативную направленность смеха. Это смех, связанный с глубинным сомнением в своих силах.

Эволюция тем «брачного насилия» показывает, что на протяжении XVII в. в Англии гротескность и комичность образов постепенно увеличиваются, а в Германии – остается практически на прежнем уровне. Гендерные тревоги, связанные с общей тревожностью обстановки в стране, в Англии постепенно ослабевают в эпоху Реставрации и Вильгельма и Ма-

рии, в немецких же землях неразрешенность политических и социальных проблем порождает консервацию прежнего уровня тревожности.

Отметим, что и межличностные отношения в браке трактуются в балладах острова и континента различным образом. Сам брак в английской балладе рассматривается скорее как положительное явление, в так называемых свадебных балладах изображается комфорт и покой, который супруги могут подарить друг другу, аналогичные же образцы немецкой словесности акцентируют скорее то, что жена должна с терпением и кротостью переносить возможные тяготы брака. Английская баллада считает значимым фактором взаимную любовь, привязанность супругов, германская – соблюдение ими декорума и соответствие своему статусу – как семейному, так и общественному.

Таким образом, в германской балладе мы сталкиваемся, скорее всего, с психологической попыткой консервации более ранних установок на корпоративность и неизменность статуса. Попытка эта обречена на неудачу в силу меняющихся социально-экономических реалий и потому пронизана скрытой неуверенностью и страхом, который внешне выражается в агрессивности и брутальности. Английская же баллада, через призму гендерных отношений, являет нам общество, более мобильное и более открытое навстречу индивидуализации личности.